

Алексей Сомов

Пс 33,15: К вопросу о библейских истоках миротворчества

Доклад на Библейских чтениях памяти о. Александра Меня, 24-25 января 2006

Современное общество, в связи с происходящими в последнее время в мире событиями, находится в поиске путей выхода из целого комплекса кризисов, в котором оно

оказалось. Вопросы поиска мира и диалога между различными культурами и религиями оказываются для нас очень животрепещущими. Для решения этих вопросов необходимо некое основание, некая точка опоры, отталкиваясь от которой можно преодолеть столь

сложные проблемы, с которыми мы столкнулись. И здесь современный человек часто подвержен соблазну искать основания для диалога или миротворчества то в политической,

то в социальной, то в какой-либо еще сфере человеческих отношений. Мы же, в данном

докладе попробуем затронуть духовные основания для миротворчества, взяв за основу

библейскую традицию.

Если мы посмотрим на миротворчество с точки зрения апостола Павла, мы сможем говорить о нем как об одном из действий Мессии, необходимых для примирения Бога со

Своим творением (ср. Рим 5:11; 2Кор 5:18; Кол 1:20). Саму эту идею можно, пожалуй, найти

еще в Ветхом Завете, в частности у пророка Исаяи, вспомнив антиномию его мессианских

образов: "Бог крепкий", но Он же и "Князь мира" (Ис 9:6). Эта кажущаяся антиномия

образов в действительности, как раз и служит указанием на действия Мессии в мире: Он

воин, но Его оружие – жезл уст Его и дух уст Его, а царство, которое Он установит – царство

мира (Ис 11:4-9).

Пророчества о Царстве мира, которое установит Мессия, находят свое продолжение в Нагорной проповеди Иисуса. Здесь, кроме всего прочего, идет речь и о том, в чем состоит

блаженство миротворцев (Мф 5:9) и о любви к врагам, т.е. преодоления вражды (Мф 5,48).

Рассматривая вопрос истоков миротворчества, можно утверждать, что и сама идея миротворчества, какой мы видим ее в Новом Завете, и сам образ миротворца, сформировались не без влияния ветхозаветных и межзаветных иудейских традиций. Здесь, в

этом докладе мы попробуем исследовать одну из таких традиций.

В псалме, стих из которого взят нами в названии доклада, соединяются черты благодарственного гимна и дидактической поэзии или, как ее иногда называют, поэзии

Премудрости, образуя единое целое в форме акростиха по числу букв еврейского алфавита.

Как это часто бывает с псалмами, нам трудно точно определить его датировку и обстоятельства написания, да это и не входит в наши задачи. Однако, мы можем предполагать, что в разные периоды истории его мысли могли ассоциироваться с различными личностями и событиями. Пожалуй, самая древняя ассоциация связана с событием из жизни Давида, что и отражено в заглавии псалма – "Псалом Давида, когда он

притворился безумным пред Авимелехом и был изгнан от него и удалился" (Пс 33:1). Мысли

псалма хорошо сочетаются с представлениями о страдающем праведнике, известными в иудаизме периода Второго Храма. В Новозаветное время псалом вполне соотносился с темой страданий Мессии, аллюзии на Пс 33:21 можно найти в Ин 19:36 – "кость его да не

сокрушится". В ранней Церкви текст мог использоваться как евхаристический – "вкусите и

увидите как благ Господь" (ст.9). Взятый нами для рассмотрения ст.15, видимо имел

актуальность уже с древних времен, хотя, как показывает история последующих веков и нашей современности, древнюю мудрость человечество усвоило слабо. Стих, данный в названии темы: "Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним" (Пс 33:15), в иудейской традиции довольно рано стал ассоциироваться именно с поведением миротворца. Отзвуки этой мысли псалма мы слышим в иудейской традиции и

позднее. Талмудический трактат Иома рассказывает о случае, когда один первосвященник (возможно, Гиркан II), был обижен тем, что народ оказал большее предпочтение знаменитым учителям Шемае и Абталиону, происходившим из прозелитов, чем ему, и сказал последним: "Пусть идут сыны инородцев с миром". Они же на это ответили ему: "Да, пусть идут с миром сыны инородцев, которые поступают так, как поступал Аарон, но пусть не идет с миром сын Аарона, не поступающий так, как поступал Аарон" (Иома, 71б). Ученик Шемаи и Абталиона Гиллель, согласно традиции, произнес знаменитые слова, оставшиеся в трактате Авот: "Будь учеником Аарона – люби мир и стремись к миру, люби людей и приближай их к Торе" (Ab 1:12 ср. Зах 8:19; Пс 33:15; 1Петр 3:11). Приближение к Торе связано с ее изучением, поэтому Р. Элиазар от имени р. Ханины сказал: "Изучающие премудрости, умножают мир в мире (~l'A[B' ~Alv' ~yBir.m; ~ymik'x} ydeuml.T])" (B. Ber 64 (Берахот в Вав. Талмуде).i Эта тема появляется уже в Пс 118: "Велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения" (Пс 118, 165) (Синод.). В 3-й книге Еноха говорится: "Господь мира, прошу Тебя, даруй мне достоинство Аарона, сына Амрама, любившего мир и искавшего мира" (3Енох 1:3). В Вавилонском Талмуде Р. Елиезер сын р. Иоси Галилеянина говорит: "Аарон, однако, любил мир и стремился к миру и творил мир между людьми как написано: "Закон истины был в устах его, и неправды не обреталось на языке его; в мире и правде он ходил со Мною и многих отвратил от греха" (B.Sanh 6b ср. Мал 2:6). Мы видим в приведенных высказываниях также и связь выражений "любовь к миру" и "любовь к людям", что показывает соизмеримость этих выражений в раввинистической традиции. Как видно из приведенных примеров, аллюзии на Пс 33:15 связаны с образом человека, ищущего мира и, одновременно, с именем Аарона – первосвященника. Уже у пророка Малахии можно увидеть указание на пример Аарона (хотя он и не назван по имени) как верного завету Левию, завету жизни и мира, "в мире и правде" ходившего пред Богом и "многих отвратившего от греха" (Мал 2:6). Эта традиция, как мы видели, поддерживается и далее. Явно положительное отношение к образу Аарона можно увидеть и в псалмах (Пс 76:21; 95:6; 105:26; 132:2; 134:19–20). Что же могло послужить основой для ассоциации образа Аарона с образом миротворца? Как мог этот, согласно библейскому рассказу, не вполне самостоятельный, в своих поступках зависимый от Моисея, Мариами и настроения народа, первосвященник, стать связанным с жертвенной, деятельной фигурой миротворца? Можем ли мы найти для

этого основания в библейской традиции? Ведь принимая во внимание приведенную цитату

из пророка Малахии, можно предположить, что эта традиция вполне библейская. Прежде всего, необходимо сказать, что образ ветхозаветного миротворца довольно сложен, наиболее полное представление о нем можно получить на основе анализа нескольких библейских образов, в первую очередь, Соломона, Слуги Господня из книги

Исайи и рассматриваемого в этом докладе Аарона. Влияние этих образов на иудейское и раннехристианское богословие можно проследить и в Новозаветной и в раннехристианской литературе.

В период Второго Храма образы некоторых библейских персонажей, таких как Моисей, Аарон, Давид, Соломон, Левий, Енох, стали все более приобретать идеальные

характеристики, а негативные черты, если они и были известны по библейскому повествованию, опускались или особым образом истолковывались.

Так, например, интерпретация всего одной библейской строки (Быт 5,24) дала толчок

к созданию большой и глубокой традиции т.н. Енохической литературы.

Исследования показывают, что эти образы так или иначе включались в контекст мессианских представлений в различных иудейских религиозных кругах периода Второго

Храма. Развитие представлений о Мессии как о некоей идеальной фигуре, обладающей высшей мерой святости, могло способствовать и идеализации образов.

Кроме этого, надо заметить, что значение этих образов для судеб Израиля и всего мира возрастает в более поздних, относительно библейского повествования, источниках, а

сведения об этих личностях, сообщаемые поздними текстами, гораздо более подробные, чем в изначальных.

По отношению к Аарону можно предполагать, как это делали некоторые критические школы, что его значение усиливается по мере возрастания религиозно-политического влияния института первосвященства на жизнь израильского общества, в том числе и в

период Маккавеев.

Нас, однако, будет интересовать интерпретация Пс 33:15 применительно к образу Аарона. Мы обсудим уже вполне сложившийся идеальный образ Аарона в раввинистической

литературе, двинемся вглубь традиции и попытаемся отыскать ее истоки в Ветхом Завете, а

именно в книгах Закона, откуда мы можем черпать основные подробности о жизни этого

первосвященника и подкрепим результаты анализом развития этой традиции в ветхозаветной

неканонической литературе (Прем Сол) и псевдоэпиграфических текстах (3Ен, Заветы 12

Патриархов).

Как видно из приведенных раввинистических отрывков, Аарон уже к началу I-го в. н.э. начинает восприниматься именно как миротворец. Что же происходит с его негативными

качествами, в первую очередь с его уступкой народу и воздвижением Золотого тельца?

Раввинистическая традиция стремится смягчить эти негативные черты Аарона, истолковывая их следующим образом:

Толкуя эпизод с Золотым тельцом раввины указывали на очень важное для их традиции понятие "интенции" – "намерения" Аарона:

«Когда Моисей сходил с горы Синай и увидел, что народ Израиля занят в этом чудовищном действе, он посмотрел на Аарона, который бил его (Золотого тельца) молотком.

Намерением Аарона было удержать народ до возвращения Моисея, но Моисей подумал, что

Аарон был соучастником в их преступлении, и разгневался на него. Поэтому Бог сказал Моисею: "Я знаю, что намерение Аарона было вполне добрым...". Когда Израиль сказал Аарону: " иди, сделай нам бога" (Исх. 32.1), он ответил: "снимите ваши золотые кольца" (ср. Исх 32:2). Далее он сказал им: "Так как я священник, дайте мне сделать его (идола) и я принесу перед ним жертвы". Единственной его мыслью было удержать их, пока не пришел Моисей. Поэтому Бог сказал: " Аарон, Я знаю, каким было твое намерение. Конечно, только ты должен иметь полную власть над жертвоприношениями, которые дети Мои будут приносить"» (Midrash Rabbah – Exodus 37:2). Надо заметить также, что, согласно этому комментарию, после этого эпизода Бог дал Аарону служение первосвященника. Есть сходные толкования, которые говорят о том, что израильтяне хотели сделать жертвенник вместе с Аароном, однако, « он не мог позволить им, говоря: "Позвольте мне самому построить его, ибо он не годится быть жертвенником, если его сделает кто-то другой". Аарон намеревался задержать это дело; он сказал самому себе: " Пока я строю сам, лично, Моисей спустится". Однако, народ начал грешить». Другое объяснение поступка Аарона: Когда израильтяне увидели, что Моисей не сходит с горы (Исх 32:1), сатана стал искушать израильтян. Ор (евр. רֹחַ, возможно, из колена Иуды (Исх 32:1), муж Мариам, сестры Моисея), который вместе с Аароном должны были руководить народом Израиля во время отсутствия Моисея, стал укорять их за неверие, был убит. Народ стал угрожать Аарону тем же и тот из опасений сделал для них жертвенник (Midrash Rabbah – Exodus 41:7, ср. Санхедрин 7а). Как видно из приведенных текстов, Аарон видится раввинам фигурой положительной: его намерения добрые, он стремится задержать народ и тянуть время любыми средствами, вплоть до постройки жертвенника идолу.

Один из мидрашей говорит нам о мужестве Аарона, узнавшего о смерти сыновей Надава и Авиуда (ср. Лев 10). Аарон, увидев, как его "птенцы" искупались в крови, сохранил молчание (Leviticus Rabbah 20:4). Согласно Иосифу Флавия, «это несчастье было с благородством перенесено им, с одной стороны, потому, что он обладал большой твердостью духа, а с другой – от того, что видел в этом горе проявление воли Божьей» (Иосиф Флавий «Иудейские древности» III, 8, 7). Подобно Аврааму, безропотно согласившемуся принести в жертву Исаака (Быт 22), Аарон не спорил с Богом (Сифра 46а). В АвоТ де р. Натан, 12 сохранилась легенда о том, что Аарон был идеальным первосвященником, милостивым и ласковым по отношению к народу и потому любимым им более чем Моисей, который не знал компромиссов и был непреклонен. Аарон же был примирителем, устраивавшим мир между мужем и женой, соседа с соседом. Его дружеское участие направляло людей на путь истины, поэтому народ и оплакивал его смерть более чем смерть Моисея. Интересны также описания дружбы между Моисеем и Аароном, которые известны из Агадической литературы: братья не были завистливы друг к другу, Моисей отказывался идти

к фараону, так как не хотел лишить Аарона уважения израильтян, которые считали его предводителем. Господь развеял сомнения, сказав: "Он выйдет навстречу тебе, увидит тебя и возрадуется о тебе в сердце своем" (Исх 4:14). С отношениями двух братьев агадисты связывали и стих Пс 84:11: "Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются", соотнося *ds,x*, и *~Alv'* с Аароном, а *tm,a/* и *qd,c*, с Моисеем. Действительно, согласно Втор 33:8 Аарон был *^d,ysix] vyai* – "муж Твой милостивый", а Моисей – *!m'a/n< ytiyBe-lk'В.* – "верный (надежный, непоколебимый) во всем доме Моем" (Числ 12:7).

Теперь попробуем посмотреть, что могло послужить предпосылками для такого образа Аарона в самом библейском повествовании.

Согласно книге Чисел, основанием для заключения Завета мира, названного Заветом священства вечного между Богом и сыновьями Аарона, послужила ревность Финееса, сына

Елиазара, сына Аарона, прекратившего грех блуда, распространявшийся в стане Израиля и

приведший к гибели двадцати четырех тысяч израильтян (Числ 25:1-13). Действия Финееса названы здесь очищением израильтян (*rPek;y>w:*) (Числ 25:13, ср. Мал 2:5, Сир 45:28-29).

Однако, "очищение" или по синодальному переводу "заступление", отсылает нас к эпизоду

из 16-й главы книги Чисел о заступничестве за народ Аарона, также прекратившего истребление взбунтовавшихся израильтян. Согласно библейскому рассказу мятеж израильтян начался с восстания против Моисея и Аарона левита Корея. После того, как

разверзлась земля и поглотила взбунтовавшихся, примирения народа с Господом не произошло, ибо на другой день израильтяне обвинили Моисея и Аарона в том, что они

погубили народ (Числ 16:41). Это восстание было даже более серьезным, чем предыдущее,

так как хотя народ все еще думал, что все происходило не без воли Божией (ср. Числ 16: 28),

считая, что Бог сделал все это ради одного Моисея.

Когда Господь начал поражать возроптавший народ и велел Моисею и Аарону отделиться от него (Числ 16:45), братья, пав на землю, заступились за народ, а Аарон по

указанию Моисея совершил жертву воскурения (*tr,joQ.h;*), очистил (*rPek;y>w:*) народ, встав

между живыми и мертвыми, и тем самым прекратил поражение (Числ 16: 46-48). В раввинистической традиции этот эпизод приобретает следующие подробности. Так, согласно

Шаббат 89а, когда Израиль заслужил наказание за грехи, наказание пришло от святилища.

Так как Моисей жил около святилища, он первым увидел появление ангела смерти и дал

Аарону указание защитить народ. Мидраш говорит, что это средство Моисей узнал от самого

ангела смерти в то время, когда он на небесах получал Тору. Тогда он получил и дар от

каждого из ангелов, а от ангела смерти он получил откровение о том, что если он окажется в

безвыходном положении, ему сможет помочь фимиам (Numbers Rabba 5:6.). Согласно Таргуму Йерушалайми (Числ 7:11), это был ангел Кезеф («Гнев»), тот, что боролся против

Моисея у Хорива, который выступил против Израиля. Согласно 4 Макк 7:11, ангел убивал

людей огнем.

Последующая традиция рассказывает о действиях Аарона следующим образом:

согласно (Midrash Tanhuma III, 19) он не знал об этом средстве и потому спросил Моисея: "

О господин мой Моисей, может быть ты имеешь в виду мою смерть? Мои сыновья были сожжены, потому что они вложили в кадилаицы огонь чуждый. Могу ли я теперь взять огонь с жертвенника и вынести его? Действительно, я встречу смерть через этот огонь!"

Моисей ответил: " Иди скорее и сделай то, что я приказал тебе, ибо пока ты будешь решать, они будут умирать. Аарон поспешил исполнить указание, данное ему, говоря: "Если даже это будет моя смерть, я с радостью подчинюсь, если я могу только этим послужить Израилю". Действия Аарона, согласно этому мидрашу, вполне можно расценивать как жертвенные.

В других раввинистических текстах говорится о том, что Аарон как - бы отплатил долг Моисею. После служения Золотому тельцу, в котором участвовал Аарон, Бог решил, что все четыре сына Аарона должны умереть, но Моисей встал между живыми и мертвыми и через его молитву двое сыновей спаслись. Также и Аарон теперь встал между живыми и мертвыми, чтобы отратить смерть от Израиля (Lekah [Pesikta] Числа 17:13, ed. Buber, Wilna 1880; Numbers Rabba 9:47; Deut. Rabba 8:10).

Этот эпизод описан также в книге Премудрости Соломона (Прем Сол 18:20-25) и в 4-й книге Маккавейской, где он приобрел дополнительные подробности. В книге Премудрости Соломона истребление израильтян представлено как "искушение смерти" (pei/ra qana,tou), коснувшееся и праведных (Прем Сол 18:20). Надо отметить, что сама смерть, в контексте этой книги, явилась следствием неправды (Прем Сол 1:15)¹. Аарон показан здесь как "муж непорочный" (avnh.r a;memptoj) и "служитель Божий" (so,j qera,rwn), который, вооружившись (leitourgi,a j o[plon) молитвой и кадилаицей, положил конец истреблению (Прем Сол 18:21).

В 4-й книге Маккавейской с Аароном сравнивается священник старец Елеазар, претерпевший мученичество и смерть, но оставшийся верным Богу и не нарушившим Закон:

"Ибо, как и отец наш Аарон, вооружившись кадилаицей, устремившись сквозь множество народа, победил плакающего ангела, так и Ааронид (наследник Аарона), Елеазар, хотя и будучи, истребляем огнем, не изменился в мысли" (4Макк 7:11-12). Здесь мы видим, что миротворчество Аарона практически напрямую связывается с мученичеством, предполагающим жертву.

Итак, рассмотренные примеры дают основание полагать, что возможно, описанный эпизод из книги Числ лежит в основании заключения Завета Мира, Завета священства или

Завета Левия (ср. Мал 2:4, Сир 45:29) и сложившейся в последствии традиции почитания Аарона как миротворца.

Конечно, это не единственная причина для такого почитания. Можно было бы вспомнить здесь священническое благословение, которое священник должен был давать

израильтянам, для того, чтобы призвать на них Имя Божие. В нем, кроме всего прочего

присутствует и прошение о мире (Числ 6: 24-26). Давая благословение, священник оказывается тем, через кого Бог как источник всякого благословения, дарует человеку мир².

В раввинистической литературе заключительная часть благословения Аарона иногда

связывалась с тем, что мир будет править в доме Давида в мессианском веке (S. Nu 42 на 6:26; Pesikt 12 ср. Ис 52:7).

1 В издании Libri Apocryphi Veteris Testamenti Greace ed. Fritzsche. Lips.1871, к стиху Прем 1:15 есть добавка:

intustilia autem motris est acquisitio - "неправда же есть приобретение смерти".

2 В ЗЕН сказано, что Бог силой Своего Имени устанавливает мир (ЗЕН 42:6).

В I-м в. н.э. миролюбивые люди иногда назывались "детьми мира"³. Вполне возможно, что евангельское выражение "сын мира" (ui`o.j eivrh,nhj), встречающееся только в одном месте в НЗ (Лк 10:6) также отражает воззрения того времени. Однако так же могла

именовать себя и одна из партий, так называемая "мирная партия", во время иудейской

войны 66-74 н.э. Это видно, например, у Иосифа Флавия, который употреблял eivrh,nh как в

значении преуспеяния (Древ. 1:10,2; 8:14,1) и согласия (Иуд. Война 2:135), так и в

политическом смысле. В "Иудейской Войне" eivrh,nh часто появляется для обозначения тех,

кто не стремился воевать с Римом: eivrh,nhn avgapw/sin (книга 2, гл. 22,1), evpikumou/ntaj eivrh,nhj

(книга 4 гл.3,2) ро,qw| te eivrh,nhj (книга 4, гл. 7,3) роqei/n ме.n eivrh,nhn (книга 5, гл.2, 1).

Иудейское именование миротворцев "учениками Аарона", возможно, снимало этот политический оттенок.

Подводя итог, можно утверждать, что не столько сам исторический Аарон со всеми его слабостями и ошибками послужил основанием для столь значительного образа, сколько

одна из традиций, выделяющая лишь некоторые его черты для описания образа некоей личности, обладающей указанными чертами миротворца. В период Второго Храма фигура

Аарона приобрела именно символический смысл, часто выражавший воззрения той или иной

религиозной группы. Влияние такого образа Аарона можно проследить и Новозаветной и

раннехристианской литературе.

Самой важной чертой рассмотренного нами образа Аарона, пожалуй, можно назвать его жертвенную любовь к людям, которой и определялась его любовь к миру и поиск мира.

Раввинистические тексты, говоря об Аароне как о миротворце, напрямую связывают любовь

к миру и поиск мира с любовью к людям.

В данном докладе невозможно отразить все оттенки образа Аарона - миротворца.

Остается надеется на возможность дальнейшего исследования, и, прежде всего в следующих

направлениях:

- Очень важной представляется исследование связи миротворчества и священства, которая в раввинистической литературе пересекается с темой жертвенника, а образ жертвенника иногда связывается с образом "чада мира". В раввинистических текстах образ

миротворца явным образом связывается с жертвенником, примиряющим Бога с Его народом.

Соотносится это и с обязанностью Аарона и его потомков совершать жертвоприношения на жертвеннике.

- Интересным представляется исследование раввинистических интерпретаций Числ 5:11-31 о жене, подозреваемой в неверности. Этот отрывок занимает особое место в раввинистических толкованиях, ему посвящен талмудический трактат "Сотта". Нам же было

бы интересно сопоставить его с описаниями миротворчества Аарона, в том числе и в контексте примирения супругов.

- Наконец, плодотворным видится более глубокий анализ эпизода Числ 16, где Аарон, спасая народ, становится между живыми и мертвыми и совершает воскурение, т.е. богослужение. Схожий эпизод описывается, как мы видели в раввинистической традиции, где Моисей становится между живыми и мертвыми в эпизоде с Золотым тельцом. Давид, согласно 2Цар 24, согрешивший перед Богом и сделавший перепись народа против Его воли, также встает между живыми и мертвыми, видя Ангела смерти, поражающего народ, и заступает за народ⁵. Стоит проследить, не является ли этот сюжет типологическим? Это важно еще и потому, что в Нагорной проповеди Иисус провозглашает блаженство учеников как миротворцев, высшей же точкой раскрытия этого блаженства можно было бы считать

3 Klassen W. A "Child of Peace" (Luke 10:4) in First Century Context // New Testament Studies. 1981. N 27. P. 484-506.

4 Klassen W. Peace, New Testament // The Anchor Bible Dictionary. N.Y.; London; Toronto; Sydney; Auckland, 1992. Vol.5. P. 206-207.

5 Этот эпизод был подсказан мне И.Я. Гриц.

заповедь о любви к врагам. Благословение же проклинающих, благотворение ненавидящим, молитва за обижающих и гонящих, служат для их примирения с Богом и спасения как злых, так и добрых. Это и подобно заступничеству Аарона, вставшего между живыми и мертвыми и спасшего народ от гнева Божия (Числ 16:46-48).
Использовавшаяся лит-ра: Тантлевский И. Р. Книги Еноха. М.; Иерусалим, 2000; The Legends of the Jews by L. Ginzberg, N.Y., 1909-1956 (CD-ROOM version, 1998); Jaubert A. La Notion d'alliance dans le Judaïsme. Paris, 1963. P. 311-315; Klassen W. A "Child of Peace" (Luke 10:4) in First Century Context // New Testament Studies. 1981. N 27. P. 484-506; Anderson H. 4 Maccabees // The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 2: Expansions of the "Old Testament" and Legends, Wisdom and Philosophical Literature, Prayers, Psalms, and Odes, Fragments of lost Judeo-hellenistic Works / Ed. by J. H. Charlesworth. N. Y.; London; Toronto; Sydney; Auckland: The Anchor Bible Doubleday. 1983. P. 531-564; Klassen W. Peace, New Testament // The Anchor Bible Dictionary. N.Y., L., Toronto, Sydney, Auckland, 1992, Vol.5, p.206-207.